

О ЖЕРТВАХ ГОЛОДА 1921-22 И 1932-33 гг. СРЕДИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ И УКРАИНЫ

Завершив начатую в 1995 г. подготовку трехтомной Энциклопедии «Немцы России» и Энциклопедического словаря «Немцы России: населенные пункты и места поселения», Общественная Академия наук российских немцев приступила к реализации нового крупного проекта под условным названием «Демографическая история российских немцев». Сбором и обработкой соответствующих статистических материалов мы занимаемся уже более 5 лет. Теперь настало время для их анализа и последующей публикации.

Мы решили начать с современности, подготовив летом 2007 г. обширный доклад «Немецкое население России на рубеже XXI века в зеркале демографической статистики». После этого нам представляется вполне естественным обращение к одному из самых важных и болезненных аспектов истории российских немцев – демографическим потерям вследствие голода 1921-22 и 1932-33 гг. Информацией на этот счет, накопленной нами в течение ряда лет, в частности – в процессе моей работы в «Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе» весной 2007 г., я бы и хотел поделиться здесь.

Как известно, историография российских немцев смогла вплотную приступить к исследованию этих рукотворных катастроф лишь около 15 лет назад, когда после развала СССР приоткрылись бывшие советские архивы. Уже в 1-й половине 90-х годов был подготовлен ряд соответствующих публикаций, среди которых наиболее известны работы А. Германа и О. Винса (Саратов), В. Иваненко и А. Голуба (Днепропетровск).¹ Научный уровень данных исследований определялся, конечно, тем, насколько авторы смогли выявить и проанализировать необходимые архивные материалы. В отношении демографической статистики, о которой у нас пойдет речь, это, на наш взгляд, более других удалось А. Герману в его статье о голоде начала 30-х годов.

Так, этот автор почерпнул в Энгельском архиве официальные данные за 1933 г. о смертности населения АССР НП по месяцам и о количестве умерших в городах Немреспублики (Энгельсе, Маркштадте, Бальцере) с указанием причин смерти. Кроме того, А. Герман сопоставил обнаруженные им сведения с уровнем смертности по АССР НП в 1925-32 и 1938 гг., наглядно показав, что чрезвычайно высокая смертность в 1933 г. была вызвана именно голодом, а не теми причинами, которые приводила тогдашняя статистика Немреспублики.²

Однако в его статье имеется также заметный и трудно объяснимый пробел: там практически обойден вопрос об уровне смертности в кантонах (сельских районах) АССР НП (автор ограничился цитированием двух соответствующих донесений прокурора Немреспублики), хотя на селе проживало подавляющее большинство населения немецкой автономии и данные на сей счет можно было найти в одном из тех самых архивных дел, которые изучал А. Герман.

Что касается обширного раздела о голоде 1921-22 гг. в известной двухтомной монографии А. Германа, то здесь содержится лишь несколько цифр, характеризующих смертность среди населения одного района и двух сел АОНП в 1-й половине 1921 г.³ При этом одна из приведенных цифр, как мы покажем, явно противоречит данным статуправления немецкой автономии.

О. Винс тоже работал в Энгельском архиве, но сведения об уровне смертности в Области немцев Поволжья в 1921 г. почему-то почерпнул не оттуда, а из статьи статистика С. Каппеса, опубликованной по горячим следам, весной 1922 г., в поволжском журнале «Унзере Виртшафт». На этой основе О. Винс попытался представить «географию» голода 1921-22 гг. в АОНП. По его мнению, меньше других пострадали немецкие села, расположенные около границ области, рядом с железнодорожными

станциями и у берегов Волги.⁴ Ниже будет видно, что этот вывод имеет весьма отдаленное отношение к реальности.

Доклад В. Иваненко и А. Голуба не содержал неизвестных архивных данных об уровне смертности немцев Украины в период голода. Однако в дальнейшем днепропетровские историки приложили определенные усилия для прояснения этого вопроса. Сошлюсь в этой связи на статью «Украина» из т. 3 Энциклопедии «Немцы России» и на ряд материалов пилотного сборника «Немцы Украины», авторами которых являются А. Безносков, Ю. Берестень, С. Бобылева, Н. Осташева.⁵

А вот в Поволжье, как ни странно, проблематику голода 1920-30-х гг. среди немецкого населения, похоже, сочли исчерпанной. Во всяком случае, новые исследования на эту тему там за последние годы, насколько нам известно, больше не появлялись. Даже соответствующий фрагмент 2-го тома монографии А. Германа и его статья «Голод» из т. 1 Энциклопедии «Немцы России» практически лишь воспроизводят содержание предыдущих работ этого автора.⁶ Между тем, в Энгельсском архиве хранятся ценнейшие материалы на сей счет, до сих пор не введенные в научный оборот.

Приступая к их рассмотрению, прежде всего отмечу, что для оценки масштабов смертности от голода необходимо знать численность населения на момент его начала. В отношении голода 1921-22 гг. такую информацию, казалось бы, получить несложно – ведь буквально накануне, 28 августа 1920 г., прошла первая перепись населения Советской России. Проблема, однако, в том, что на некоторых окраинных территориях страны (в частности, в западных губерниях Украины) перепись по различным причинам не проводилась. К тому же советским властям было в дальнейшем явно не до демографии, и в результате материалы этой переписи по большей части остались необработанными и неопубликованными. Так, нам удалось обнаружить в крупнейших московских книгохранилищах лишь краткие итоги переписи 1920 г. по регионам, частичную разработку ее материалов В. Шибяевым и 7 региональных статсборников, изданных по ее следам.⁷

Мне уже доводилось отмечать, что в 20-х годах немецкая автономия на Волге обладала лучшей демографической статистикой в стране. Работа в Энгельсском архиве только подкрепила этот вывод.

В частности, там сохранился сборник с основными итогами переписи 1920 г. по всем населенным пунктам АОНП, изданный ограниченным тиражом, а потому отсутствующий в московских библиотеках.⁸ Поразительно, но факт: статуправление немецкой автономии исполняло свой профессиональный долг даже в чудовищно страшном 1921 г., когда было выпущено это издание. В том же архиве хранятся подробные отчеты о переписи 1920 г. и составленные при ее проведении посемейные списки жителей АОНП, содержащие некоторые статистические данные об этих семьях.⁹ Отметим и важное обстоятельство, вытекающее из итогов переписи: жертвами голода 1921-22 гг. в АОНП были почти исключительно немцы – просто потому, что они составляли в 1920 г. 97,7% населения области.

Кроме того, Энгельсский архив хранит обширный рукописный материал на немецком языке «О состоянии крестьянских хозяйств и о населении в Области немцев Поволжья на 1 января 1922 г. Записка Областного статистического управления. Марксштадт, 1 марта 1922 г.».¹⁰ Здесь приведены данные на начало 1922 г. о численности хозяйств, мужского, женского и совокупного населения, голодающих в возрасте 16 лет и старше, а также о числе родившихся и умерших за 1921 г. по городам, селам и крупнейшим хуторам АОНП. Видимо, С. Каппес участвовал в подготовке этой записки, в результате чего и появилась его вышеупомянутая статья.

К сожалению, этот уникальный материал не может дать полного представления о численности жертв голода 1921-22 гг. – в нем, как видно из названия, отсутствуют сведения за 1-ю половину 1922 г., когда голод еще бушевал вовсю, а в 1-м квартале, по

свидетельству известного деятеля АССР НП Э. Гросса, смертность была даже выше, чем в 1921 г.¹¹

Конкретных данных на сей счет нам не удалось обнаружить и в других материалах Энгельсского архива, но ниже мы приведем информацию о причинах смерти в АОНП за 1-е полугодие 1922 г., свидетельствующую о том, что статистика смертности в это время там все-таки велась – по крайней мере, выборочно. Между тем, по мнению О. Винса, случаи рождения и смерти, якобы, не регистрировались в большинстве поволжских колоний даже во 2-й половине 1922 г.,¹² что явно не соответствует действительности. Итоговые цифры по АОНП за этот период, когда пик голода уже остался позади, давно опубликованы и известны: смертность составила 7619 чел. (1,4% численности населения области), а рождаемость – 4791 чел. (0,9%).¹³

Далее, согласно данным С. Каппеса, в 1921 г. выезд населения из АОНП почти в 1,6 раза превышал смертность.¹⁴ А ведь из числа выехавших (эвакуированных) также умерли очень многие. Об этом свидетельствует, к примеру, судьба семьи будущего известного литературоведа Ф.П. Шиллера. Он в октябре 1921 г. был назначен воспитателем в эшелон с 500 детьми, которых эвакуировали из АОНП в Тирасполь.¹⁵ Вместе с Францем Петровичем, единственным кормильцем семьи, туда выехали его мать, три брата и сестра. По дороге все они заразились тифом, и по прибытии на место умерли 4 из 6 эвакуированных членов этой семьи. Чудом остались в живых только сам Ф.П. Шиллер и один из его братьев.¹⁶

Несмотря на отмеченную неполноту записки облстатуправления, ее содержание потрясает воображение.

Так, сопоставив данные записки с итогами переписи 1920 г., мы выяснили, что в 1921 г. в двух селах АОНП (Кинд и Мариенбург) умерло свыше четверти населения, в трех (Гоккерберг, Брокгаузен и Боаро) – от 20% до 25%, а в 16 (Цуг, Мессер, Мюллер, Сусанненталь, Гнаденфлюр, Кано/Андреевка, Шталь/Звонарев Кут, Фриденберг, Нидермонжу, Шафгаузен, Лизандердорф, Унтервальден, Визенмиллер, Моор, Ней-Колония, Шульц) – от 15% до 20%.

В 21 населенном пункте абсолютный уровень смертности превысил 500 чел.: областной центр г. Маркштадт (с близлежащими хуторами) – 1580, Боаро – 1054, г. Зельман – 911, Мариенталь – 904, Красный Яр – 896, г. Бальцер – 881, Гримм – 818, Варенбург – 801, Мессер – 796, Моор – 730, Прейс – 695, Цуг – 671, Денгоф – 644, Орловское – 632, Кинд – 631, Семеновка – 626, Шафгаузен – 626, Нидермонжу – 603, Гуссенбах/Линево Озеро – 527, Гукк – 520, Розенгейм – 513.

Согласно вышеупомянутым данным А. Германа, в этом же ряду должно было находиться и с. Антон, где только с февраля по июнь 1921 г. умерли, якобы, 510 чел. Однако облстатуправление насчитало в данном селе 228 умерших за весь 1921 г.

В целом по АОНП, согласно записке, в 1921 г. умерли 48179 чел. (10,7% населения), причем в этот период смертность превысила рождаемость в 2,6 раза. Наиболее высоким уровнем смертности отличались районы: Панинский – 14,9% (превышение смертности в 3,2 раза), Маркштадтский – 13,4% (2,8 раза), Ровненский – 12,7% (3,2 раза), Нижне-Караманский – 12,3% (3,0 раза), Верхне-Караманский – 11,7% (2,1 раза). Показательно, что все они находились в левобережной части АОНП.

При этом, вопреки вышеприведенному утверждению О. Винса, 4 первых района непосредственно примыкали к Волге, а Панинский, Ровненский и Верхне-Караманский районы располагались соответственно у северных, южных и северо-восточных границ АОНП. Не нашел подтверждения и тезис этого автора об относительно благополучном положении в колониях, находившихся рядом со станциями железной дороги. В большинстве этих сел уровень смертности был в 1921 г. не ниже среднего по АССР НП: Розендамм (находилась у ст. Плес) – 12,3%, Мариенфельд (у ст. Авилowo) – 11,1%, Антоновка (у ст. Урбах) – 10,7%, Розенфельд (у ст. Красный Кут) – 10,7%.

На наш взгляд, ошибочные выводы О. Винса были вызваны тем, что он, владея весьма скудными статистическими данными, априори придал слишком большое значение географическому фактору, местоположению населенных пунктов. Между тем, это обстоятельство определяло положение дел далеко не всегда. К примеру, села Кинд и Неб находились всего в километре друг от друга, тогда как в первом из них уровень смертности оказался в 1921 г. почти вдвое выше, чем во втором, – 27,3% и 14,2%.

География, конечно, влияла на ситуацию, но только в самых общих чертах. Скажем, в Левобережье, как уже отмечалось, голод свирепствовал сильнее, чем в Правобережье, а ниже всего смертность была на юго-востоке и западе территории области – в Торгунском (4,7%) и Медведицком (7,3%) районах. Однако важную роль играли и некоторые другие обстоятельства.

Так, в трех городах АОНП, Маркштадте, Бальцере и Зельмане (последний был объявлен городом в начале советского периода, но в 1925 г. утратил свой городской статус), смертность оказалась заметно ниже, чем в окружающих их районах: Маркштадт – соответственно 9,9% и 13,4%, Бальцер – 8,5% и 10,4%, Зельман – 10,8% и 12,7%. Как справедливо заметил тот же О. Винс, это объяснялось тем, что в города в значительно большей мере поступала продовольственная помощь. Без этого фактора ситуация должна была бы складываться прямо противоположным образом, что мы и увидим на примере голода 1932-33 гг.

Из статьи С. Каппеса следует, что в 1921 г. из АОНП выехали 74084 жителя (16,8% населения). Самый массовый выезд (33,3%) наблюдался в Антоновском районе, к которому относилось и село Мариенталь, откуда были эвакуированы Ф.П. Шиллер с семьей. Далее в этом отношении следовали районы: Верхне-Иловлинский – 24,6%, Нижне-Караманский – 22,8%, Тарлыкский – 19,9%, Ерусланский – 19,7%, Ровненский – 19,5%, Панинский – 19,4%, Верхне-Караманский – 17,2%. Как видно, этот перечень весьма существенно отличается от списка районов с максимальной смертностью. Руководство АОНП явно предпочитало эвакуировать людей не из тех мест, где существовала наибольшая угроза их жизни, а оттуда, где это было проще сделать в силу наличия железнодорожного или речного сообщения.

О. Винс утверждал со ссылкой на С. Каппеса, что к 1.01.1922 г. в АОНП «от недостатка продовольствия» умерли 47,7 тыс. человек.¹⁷ Это не совсем так: у С. Каппеса речь идет об общем уровне смертности населения, которая даже в 1921 г. вызывалась, разумеется, не только недоеданием. Однако существует и статистика смертности именно от голода – правда, она относится к 1-й половине 1922 г.

Согласно официальным данным, опубликованным тем же С. Каппесом, причины смертности населения АОНП соотносились в этот период следующим образом: от голода – 48%, от эпидемических болезней – 27%, от остальных болезней – 25%. Правда, такое разделение довольно условно, поскольку различные болезни также могут быть спровоцированы или обострены голодом. Обращает на себя внимание значительное преобладание мужского населения во всех этих группах: в первой – 57%, во второй и третьей – по 53%. Эта закономерность хорошо известна демографам: во время голода мужчины умирают, как правило, чаще женщин. В данном случае это явление было сильнее всего заметно в возрасте от 5 до 49 лет: 5-7 лет – 60%, 8-15 лет и 16-49 лет – по 58%. В этих же возрастных группах удельный вес голода среди причин смертности был наибольшим – соответственно 61%, 68% и 56%.¹⁸

В итоге чудовищно высокой смертности и массового выезда численность населения АОНП сократилась всего за один 1921 г. почти на четверть – 23,4%, а в Антоновском районе – более чем на треть (38,2%).¹⁹ Со временем основная часть выехавших людей, оставшихся в живых, естественно, возвратилась в родные места – ведь на чужбине они были только в тягость местным властям и населению. Однако данный процесс далеко не привел к восстановлению прежней численности жителей. Об этом

убедительно свидетельствуют итоги переписей населения и официальных статистических обследований.

Так, согласно им, в 1920 г. в поволжской автономии насчитывалось 432 тыс. немцев, тогда как на 1.08.1922 г. – всего 356 тыс. А ведь за это время, в середине 1922 г., произошло «округление» территории АОНП с присоединением к ней целого ряда районов, где тоже проживало немало немцев. К тому же на свет появлялись новые жители, которых даже в 1921 г. оказалось 18701 (4,2% численности населения).²⁰ Крайне низкая численность немецкого населения, отмеченная в 1922 г., была превзойдена в АССР НП лишь в 1926 г. – 380 тыс. А максимальное значение этого показателя за годы, оставшиеся до войны, наблюдалось в 1931 г. – 383 тыс.

О. Винс оценил общее количество жителей АОНП, умерших от голода 1921-22 гг., в 107,5 тыс. человек.²¹ В нашем распоряжении имеется намного больше необходимой статистической информации, чем у этого автора, однако мы воздержимся от подобных оценок. В данном случае они уместны разве что в публицистической статье, но явно не в серьезном научном исследовании. Известная на сегодня источниковая база, к величайшему сожалению, такова, что оценить тогдашние демографические потери немецкого населения Поволжья невозможно ни с точностью до десятков тысяч, ни, тем более, с точностью до сотен человек. В этом отношении достоверно известно только то, что голод 1921-22 гг. нанес немецкой автономии на Волге, всем российским немцам воистину невосполнимый ущерб.

Образцовая демографическая статистика поволжской автономии, нашедшая свое особенно наглядное отражение в прекрасном статсборнике по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г.,²² безусловно лучше среди многочисленных региональных изданий подобного рода, увы, дожила только до начала 30-х годов. Так, в Энгельском архиве нет никаких итоговых документов переписи 1937 г., а перепись 1939 г. отражена лишь самыми общими цифрами.²³ Последней серьезной работой статистиков АССР НП, стала, видимо, справка о численности жителей, включая собственно немцев, во всех основных населенных пунктах Немреспублики, подготовленная по данным сельскохозяйственного налогового учета 1931 г.²⁴

Эта работа, выполненная в канун голода 1932-33 гг., могла бы, конечно, очень существенно способствовать изучению его последствий – если бы в те годы уровень смертности и рождаемости фиксировался столь же добросовестно, как в 1921 г. К сожалению, ничего подобного в действительности не наблюдалось. Советские власти, нагло отрицавшие голод 1932-33 гг., были меньше всего заинтересованы в его документировании – даже «для служебного пользования» или «для истории». Поэтому мы вынуждены судить о масштабах этой катастрофы в АССР НП главным образом по рутинным ежемесячным справкам о «естественном движении населения».

В Энгельском архиве хранятся подобные документы, однако в них зафиксирован уровень смертности и рождаемости по городам и кантонам Немреспублики, но не по отдельным сельским населенным пунктам.²⁵ К тому же эта документация велась в 1933 г. весьма нерегулярно. Так, в справках практически отсутствуют данные по Каменскому кантону, нет сведений по Краснокутскому кантону за март – апрель, июнь – июль, октябрь, декабрь, по Палласовскому – за январь, март, июль – октябрь, декабрь, по Франкскому – за май, июль – сентябрь, ноябрь – декабрь, по Ягодно-Полянскому – за февраль – апрель и т.п. Сведя показатели этих справок воедино, мы получили следующий итог: за 1933 г. в АССР НП родилось 8295 чел., умерло – 32616.

Насколько достоверны эти цифры? В монографии А. Германа данные о численности умерших в 1933 г. приведены трижды, в частности – в таб. 1 (смертность населения АССР НП по месяцам) и таб. 3 (рождаемость и смертность за год в целом). В таб. 1 почему-то отсутствует итог, но если его подсчитать, то окажется, что в 1933 г. в АССР НП умерло 50082 жителя. Это почти совпадает с цифрой, приведенной автором

чуть выше, – 50139 чел. Однако в таб. 3 фигурирует совсем иная цифра – 42,4 тыс. умерших.²⁶

Поскольку сам А. Герман никак не прокомментировал эту явную неувязку (и даже не упомянул о ней), попытаемся сделать это за него. Если добавить к последней цифре общую смертность по городским поселениям АССР НП (Энгельсу, Маркштадту, Бальцеру и пос. Красный Кут) – 7,7 тыс., то получается 50,1 тыс. умерших, т.е. именно столько, как в двух других случаях. Выходит, что 42,4 тыс. – это количество умерших в сельской местности. А. Герман, похоже, не пришел к этому весьма очевидному выводу просто потому, что вообще не проанализировал данные об уровне смертности в кантонах АССР НП. Аналогичным образом в таб. 3, вероятно, занижен и уровень рождаемости в 1933 г. Сопоставив приведенную там цифру 12,2 тыс. человек с 50,1 тыс. умерших, мы получим превышение смертности над рождаемостью в 4,1 раза – заметно больше, чем в обнаруженных нами данных (3,9 раза).

Подсчитанная нами годовая смертность – 32616 чел. – составляет 65,1% от итоговой цифры 1-й таблицы А. Германа. Примерно столько же или несколько больше получается, если произвести аналогичные сравнения по месяцам. Таким образом, динамика смертности в течение года искажена в наших данных довольно мало. Явное исключение составляют только цифры за июнь (58,2%) и июль (57,4%). Напрашивается вывод, что в эти два месяца сведения с мест поступали в статуправление АССР НП особенно плохо. Действительно, изученные нами справки не содержат данных за июнь по 4-м кантонам (Золотовскому, Каменскому, Краснокутскому, Маркштадтскому) и пос. Красный Кут, а за июль – также по 4-м кантонам (Каменскому, Краснокутскому, Палласовскому, Франкскому) и пос. Красный Кут.

Тем не менее, мы получили сведения о распределении по территории АССР НП почти 2/3 смертных случаев, зафиксированных в 1933 г., и не можем не проанализировать эти цифры. Благо, нам, как отмечалось выше, удалось найти и подробные данные о численности населения Немреспублики в 1931 г., накануне голода.

По нашим (напомню, неполным) данным, смертность в городской местности АССР НП составила в 1933 г. 7655 чел. (9,2% численности городского населения в 1931 г.), в сельской – 24961 чел. (4,9%), а в целом по Немреспублике – 32616 чел. (5,5%). Среди сельских кантонов АССР НП, населенных в основном немцами, наиболее высоким уровнем смертности отличались, согласно нашим подсчетам, Бальцерский – 7366 чел. (12,3% населения), Маркштадтский – 4717 (6,0%), Зельманский – 3777 (7,2%), Мариентальский – 2898 (6,1%), Франкский – 2667 (5,3%).

Картина получается совершенно иной, чем в 1921 г. В 1933 г. наиболее высокая смертность наблюдалась не в сельской, а в городской местности. Так, по данным А. Германа, в Бальцере умерло 13,0% жителей, в Энгельсе – 8,9%, в Маркштадте – 5,9%.²⁷ Подобные итоги вполне закономерны: запасы продовольствия городских жителей, как правило, меньше, чем на селе, а продовольственная помощь населению немецкой автономии в 1933 г., в отличие от 1921 г., практически не оказывалась – ведь сам факт голода 1932-33 гг. властями АССР НП и СССР категорически отрицался. Обращает на себя внимание и чрезвычайно высокий – на общем фоне – уровень смертности в Бальцере и Бальцерском кантоне (Правобережье). Это подтверждает вывод А. Германа о том, что именно здесь голод 1932-33 гг. имел наиболее трагические последствия.²⁸ Напротив, в 1921-22 гг., как мы видели, эпицентр голода находился в левобережной части АОНП.

О последствиях голода 1932-33 гг. в Поволжье наглядно свидетельствует сравнение официальной численности немецкого населения АССР НП в 1931 г. (вышеупомянутая статистика налогового учета) и 1937 г. (Всесоюзная перепись населения) – соответственно 383247 и 322652 чел. Падение численности на 60595 чел. (15,8%) за 6 лет требовало, конечно, объяснений. Тем более, что АССР НП отличалась достаточно высокой рождаемостью, которая, по сведениям А. Германа (возможно, как отмечалось, заниженным), даже в голодном 1933 г. составила 2,1% численности населения.²⁹

Положим, с демографической статистикой АССР НП за 1931 г. был знаком только очень узкий круг людей, но уж итоговую цифру Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Немреспублике – 379630 немецких жителей – знали многие. А из нее вытекало снижение числа лиц «коренной национальности» образцово-показательной автономной республики СССР за 11 лет триумфального «социалистического строительства» на 56978 чел. (15,0%).

Предварительные итоги переписи 1937 г. произвели в Кремле фурор. Они показывали, в частности, что общая численность населения АССР НП снизилась по сравнению с 1926 г. на 15,4%. Хуже демографическая ситуация оказалась лишь в Саратовской области и Казахской ССР, где голод 1932-33 гг. свирепствовал, видимо, еще сильнее. Особенно «отличилось» мужское население Немреспублики, сократившееся на 16,8%. Это и понятно: мужчины, как обычно, пострадали от голода больше всего.

Начальник ЦУНХУ (тогдашнего ЦСУ) И.А. Краваль принялся оправдываться. Первым делом он напомнил руководству ЦК ВКП(б) и СНК СССР, что перечисленные регионы, как и вся территория Украины, не считая Донбасса, – это «именно те области, где сопротивление кулачества коллективизации было наиболее ожесточенным». «Данные переписи показывают, что влияние сопротивления кулачества на численность населения было значительно большим, чем это учитывалось регистрацией рождаемости и смертности ЗАГСами», – сетовал Краваль. В своей последующей реляции в Кремль он уточнил этот витиеватый вывод: мол, речь идет о регионах с «относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов».³⁰

Доля истины в этих объяснениях, конечно, имелась. К примеру, по данным А. Германа, власти выселили из АССР НП в 1930-31 гг. 24202 «кулака». Однако влияние голода на демографическую ситуацию было гораздо сильнее: согласно тому же автору, в 1929-33 гг. жертвами голода в Немреспублике стали 55,7 тыс. человек. К тому же в голодном 1933 г. за пределы АССР НП выехали 110,4 тыс. жителей.³¹ Но напоминать кремлевским правителям об организованном ими голодоморе главный советский статистик по понятным причинам поостерегся.

Оправдания не помогли: сталинский режим обратился к своим испытанным орудиям – подлогу и казням. Уже через несколько месяцев материалы переписи 1937 г. были объявлены «дефектными», ее организаторы репрессированы (в частности, сам И.А. Краваль расстрелян), а в 1939 г. власти провели новую Всесоюзную перепись населения.

Согласно подсчетам В.Б. Жиромской, организаторы переписи 1939 г., не пожелав повторить судьбу своих предшественников, приписали к численности населения АССР НП 53,1 тыс. человек (9,6%). Столь масштабной приписки не было произведено ни по одной другой автономной республике СССР, что с учетом вышеизложенного едва ли может удивить. Особенно резко пришлось «повысить» численность мужского населения – на 16,8%.³² Однако даже после этих приписок доля мужчин составила в 1939 г. по АССР НП менее половины, 49,4% (согласно предварительным итогам переписи 1937 г. – 46,6%), а среди немецкого населения – и вовсе 47,0%.

Для сравнения: в Украинской ССР, где приписок по немецкому населению, насколько известно, не было, доля мужчин среди немцев оказалась в 1939 г. просто катастрофически низкой – 45,4%. В целом по населению Украины данный показатель составил тогда 47,7%, но за точность этой цифры, в отличие от предыдущей, ручаться трудно.

Перейдя от Поволжья к Украине, хочу в первую очередь коснуться источниковой базы по излагаемой проблеме. Должен с сожалением констатировать, что в московских библиотеках нет ни единого украинского статсборника, изданного по итогам переписи населения 1920 г. (подобные публикации 2-й половины 20-х годов представлены здесь, напротив, достаточно широко).

Украинским историкам лучше знать, выпускались ли подобные издания и какие сведения о жертвах голода 1921-22 гг. можно почерпнуть в местных архивах. Мы же обратим внимание на утверждение В. Иваненко и А. Голуба о том, что за период начала 30-х годов «существует статистика смертности по национальному составу в городах и селах Украины».³³ Если это так, то украинские историки находятся в гораздо лучшем положении, чем их коллеги в России, где ничего подобного, насколько нам известно, нет. Дело только за тем, чтобы найти и проанализировать эту статистику.

Но прежде всего следовало бы, на наш взгляд, тщательно изучить источник, который не нужно разыскивать и который содержит массу ценной информации, в т. ч. об уровне смертности немцев Украины во время голода 1921-22 и 1932-33 гг. Я имею в виду знаменитые «сельские журналы» (Dorfberichte) К. Штумппа, хранящиеся в Федеральном архиве Германии (Кобленц). Ссылки на них встречаются в последнее время и в работах украинских историков,³⁴ однако в Германии они известны гораздо больше.

Напомню, что речь идет об обширных справках, которые характеризуют различные стороны жизни примерно 100 немецких сел, а также немецкого населения некоторых других мест Украины и составлены в период нацистской оккупации спецгруппой во главе с К. Штумппом, известным историком российских немцев. Мы знакомы с этими материалами по одному из докладов самого К. Штумппа, по книге Р.Х. Вальта, где дано подробное описание сельских журналов, и по справочнику У. Мертенса, в котором приведено немало статистических данных, собранных спецгруппой.³⁵

Каждый сельский журнал завершался разделом «Экономические и политические бедствия при большевизме», куда, в частности, заносились данные о количестве умерших от голода в 1921-22 и 1933-34 гг., включая мужчин, женщин и молодых людей до 18 лет. Кроме того, к журналам прилагались списки умерших с указанием фамилии, имени, возраста, профессии и года смерти.³⁶

Проиллюстрирую итоги этих обследований на примере Хортицких меннонитских сел, ситуацию в которых К. Штумпп подробно осветил в своем вышеупомянутом докладе. Согласно данным его спецгруппы, в этих селах умерли от голода: в 1921-22 гг. – 36 чел., в 1933-34 гг. – 22. Смертность от голода была зафиксирована группой в целом ряде колоний – как в 1921-22 гг. (Владимировка, Кичкас, Малашевка, Нижняя Хортица, Широкое), так и в 1933-34 гг. (Бабурка, Долинск, Малашевка, Нижняя Хортица, Николайполь, Розенбах). Однако большинство умерших (2/3 в 1921-22 гг. и 1/2 в 1933-34 гг.) приходится всего на одно село – Нижнюю Хортицу, где умерло соответственно 2,9% и 1,1% жителей.³⁷ Причины этого феномена я пока что объяснить не берусь.

Позволительно, конечно, усомниться, что в 1942 г. можно было с точностью установить всех людей, умерших голодной смертью за 8-9 лет, а тем более за 20-21 год до этого. Однако, насколько мы знаем, тогдашние обследования проводились весьма тщательно, так что их результаты не должны содержать очень существенных ошибок.

Данному выводу противоречит сообщение Н. Осташевой о голоде 1932-33 гг.: «Из 103 семей жителей села Морозово (Николайпольская группа) осталось в живых лишь 18 (данные К. Штумппа о трех смертельных случаях не выдержали проверки)».³⁸ На наш взгляд, это высказывание нуждается в уточнениях. У К. Штумппа, судя и по его докладу, и по двум другим вышеуказанным источникам, нет данных о «трех смертельных случаях» в селе Морозово (Гохфельд или Ней-Гохфельд) – таковой спецгруппа не установила вообще. К тому же неясно, как совместить утверждение Н. Осташевой с динамикой численности населения в этом селе: 1930 г. – 354 чел., 1933 г. – 451, 1937 г. – 476, 1941 г. – 633.³⁹

По нашему мнению, требуют уточнений и данные Н. Осташевой об уровне смертности на территории Хортицких колоний во время голода 1921-22 гг., противоречащие цифрам К. Штумппа: «До мая 1922 г. было зарегистрировано 133 смертельных случая».⁴⁰

Во-первых, непонятно, идет ли речь только о немцах, смертность которых фиксировала группа К. Штумппа, или о населении в целом. А ведь этот вопрос немаловажен, поскольку в таких Хортицких селах, как Канцеровка, Кичкас, Нижняя Хортица, Павловка, Хортица, уже в то время проживало довольно много ненемецкого населения. Во-вторых, хотелось бы знать, в каких именно селах были зарегистрированы эти смертные случаи. В-третьих, не вполне ясен источник приведенных данных. В конце процитированной фразы он не указан – ссылка на источник дана в тексте ниже, где говорится уже не об уровне смертности, а о зарубежной продовольственной помощи Хортицким колониям.

Не считая Нижней Хортицы, группа К. Штумппа зарегистрировала массовую смертность только в Высокопольских колониях. Наличие сильного голода в Высокопольском районе в 1932-33 гг. отмечают и украинские историки.⁴¹ Приведу соответствующие данные К. Штумппа, которыми мы располагаем, сопоставив их с численностью населения в колониях в 1918-19 гг. (если речь идет о голоде 1921-22 гг.) или в 1925-26 гг. (голод 1932-33 гг.).

Согласно обследованиям спецгруппы, в 1921-22 гг. наиболее высоким уровнем смертности отличались колонии Фирстенфельд (Князевка) – 39 чел. (11,0% населения), Николайталь (Никольское) – 38 (9,2%), Ландау (Потемкино) – 34 (7,8%), Шенталь (Краснояр) – 28 (7,8%), Ней-Мангейм (Марьяновка) – 20 (10,9%), Эбенфельд (Брусилowo) – 19 (7,2%), Эйгенталь (Ольгино) – 16 (6,9%), а в 1933-34 гг. колонии Шенау (Красновка) – 34 чел. (9,4%), Николайфельд (Никольское) – 26 (7,0%), Мариенбург (Орлово) – 19 (3,9%), Тиге (Кочубеевка) – 18 (3,7%), Эйгенталь – 16 (4,6%), Александрфельд (Александровка) – 13 (3,0%), Ландау – 13 (3,1%), Ней-Шензее (Озеровка) – 13 (3,1%), Альтонау (Пригорье) – 12 (3,1%), Фирстенфельд – 11 (1,6%), Блюменорт (Светловка) – 10 (2,6%).

Как видно, в перечисленных немецких селах Украины не было такой огромной смертности, как в Поволжье. Причины достаточно известны: катастрофический голод в АОНП в 1921-22 гг. был спровоцирован как беспощадной экспроприацией властями всех запасов продовольствия, так и сильнейшей засухой, чего на Украине, насколько можно судить по литературе, не наблюдалось, а в 1932-33 гг. многие немцы Украины получали продовольственную помощь из-за рубежа, которая на Волге почти отсутствовала.

Однако детальное сравнение ситуации в двух важнейших регионах проживания российских немцев современной историографии еще не под силу – уже потому, что ни материалы К. Штумппа, ни другие известные исследования не дают достаточно полного представления о масштабах голода среди немецкого населения в подавляющем большинстве районов Украины.

Отсюда следует, что историкам предстоит большая работа в том направлении, о котором шла речь. Это касается, конечно, не только Украины, но и Поволжья. Так, мы получили подробную информацию о «географии» голода 1921-22 гг. на Волге, но пока не можем дать ей исчерпывающих объяснений; нам неплохо известны соответствующие материалы Энгельсского архива, но историки еще практически не исследовали документов об уровне смертности немецкого населения в период голода 1921-22 и 1932-33 гг., которые должны храниться в саратовских и волгоградских областных архивах.

Общественная Академия наук российских немцев готова к сотрудничеству со всеми исследователями, изучающими эту чрезвычайно важную проблематику, как и демографическую историю российских немцев в целом.

Сентябрь 2007 г.

Примечания

1 См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. I. Автономная область. 1918–1924. Саратов, 1992, с. 113-147; Винс О.В. Смертность населения АОНП от голода в 1921-1922 гг., в кн.: Культура русских и немцев в Поволжском регионе. Вып. 1. Саратов, 1993, с. 62-69; Герман А.А. Голод начала 30-х гг.

в республике немцев Поволжья и его последствия, в кн.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995, с. 233-242; Иваненко В.В., Голуб А.И. Голод начала 30-х годов и судьба немецких колонистов, в кн.: Вопросы германской истории. Немцы в Украине. Днепропетровск, 1996, с. 150-157.

2 См.: Герман А.А. Голод начала 30-х гг., с. 236-238.

3 См.: Герман А.А. Немецкая автономия, с. 119.

4 Винс О.В. Указ. соч., с. 66-67.

5 См.: Бобылева С., Безносков А. Украина, в кн.: Немцы России: энциклопедия: т. 3: П-Я / Редкол.: О. Кубицкая (пред. редкол.) и др. М., 2006, с. 589, 598; Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. М., 2002, с. 56, 63, 65, 150, 170.

6 См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. II. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994, с. 120-126; Немцы России: энциклопедия: т. 1: А-И / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.) и др. М., 1999, с. 595-598.

7 См.: Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. Вып. 1. М., 1924, с. 48-53; Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930, с. 121-224; Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск, 1923; Списки населенных мест по Омскому округу. Омск, 1925; Список населенных мест Томской губернии: По данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923; Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа, 1926; Список населенных пунктов Донской области. Ростов-на-Дону, 1922; Список населенных пунктов КССР [Киргизской АССР]. Губернии: Актюбинская, Адаевский район, Букеевская, Кустанайская, Оренбургская и Тургайский район. Оренбург, 1923; Справочник по Ставропольской губернии. Ставрополь, 1921.

8 Vorläufige Ergebnisse der Allrussischen demographisch-professionellen Zählung in den bewohnten Ortschaften des Gebiets der Wolgadeutschen am 28. August 1920. Marxstadt 1921 / Предварительные итоги Всероссийской демографическо-профессиональной переписи по Области Немцев Поволжья 28 августа 1920 года. Маркштадт, 1921. См.: Общественно-государственное учреждение «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе» (ОГУГИАНП). Ф. ОАФ-Р-170. Оп. 1о/д. Ед. хр. 479.

9 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 25-57.

10 Über den Zustand der Bauern-Wirtschaften und über die Bevölkerung im Gebiet der Wolgadeutschen am 1. Januar 1922. Notizen der Gebietsabteilung für Statistik. Marxstadt, am 1. März 1922. См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 69. Л. 3-42.

11 См.: Гросс Э. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск, 1926, с. 27.

12 Винс О. Указ. соч., с. 67.

13 Сборник статистических сведений по Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья. 1916–1924 гг. Покровск, 1924, с. 29, 32, 33.

14 Kappes S. Zur Lage unseres Gebiets, am 1. Januar 1922, in: Unsere Wirtschaft (Marxstadt), 1922, Nr. 6, S. 162.

15 См.: Герман А.А. Немецкая автономия, ч. I, с. 131.

16 Дизендорф В. Жизнь Франца Шиллера и его письма, в кн.: Шиллер Ф.П. Письма из Мертвого дома. М., 2002, с. 959.

17 Винс О. Указ. соч., с. 65.

18 Unsere Wirtschaft, 1923, Nr. 11, S. 331.

19 Kappes S. Op. cit., S. 162.

20 Там же.

21 Винс О. Указ. соч., с. 66, 69.

22 См.: Vorläufige Ergebnisse der Volkszählung der Sowjetunion des Jahres 1926 in der ASSR der Wolgadeutschen / Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по АССР Немцев Поволжья. Pokrowsk 1927.

23 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 2430.

24 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 570. Л. 13-49.

25 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 569. Л. 66-77.

26 Герман А.А. Немецкая автономия, ч. II, с. 121, 122, 126.

27 Там же, с. 123.

28 Там же.

29 См.: Герман А.А. Немецкая автономия, ч. II, с. 126.

30 Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007, с. 29-32, 38-39, 45.

31 Герман А.А. Немецкая автономия, ч. II, с. 110, 121, 126.

32 Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994, с. 44-45.

33 Иваненко В.В., Голуб А.И. Указ. соч., с. 153.

34 См., напр.: Немцы России: энциклопедия: т. 3, с. 598; Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7, с. 65.

35 См.: Stumpp K. Bericht über das Gebiet Chortitza im Generalbezirk Dnjeppropetrowsk. Berlin 1943; Вальт Р.Х. Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером. Эссен, 1996; Mertens U. Handbuch Russland-Deutsche. Ein Nachschlagewerk zur russland-deutschen und deutsch-russischen Geschichte und Kultur (mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg/Paderborn 2001.

36 См.: Вальт Р.Х. Указ. соч., с. 333, 343-345.

37 Stumpp K. Op. cit. Beilage, S. 3.

38 Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7, с. 65.

39 Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / Сост.: В.Ф. Дизендорф. М., 2006, с. 267.

40 Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 1998, с. 77.

41 См., напр.: Немцы России: энциклопедия: т. 1, с. 444, 597; Немцы России: энциклопедия: т. 3, с. 598.